

МУРЗИЛКА

№4

ИЗД. „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

АПРЕЛЬ
1929

— Оли, Оли нет,—кричат ребята.

— Вот она, Оля, идет. Экая соня, проспала!

Не успела Леночка сама позавтракать, пора посуду убирать. Как хорошо посуду мыть! Вода теплая, можно и поплескаться!

Посуда вымыта, стол чист.

Кончилось Леночкино дежурство. Устала Лена, зато ребята говорят:

— Когда Лена дежурит, у нее все в порядке.

С. Рубинштейн.

БЕЗРАБОТНЫЕ

Рис. Е. Валянской

1.

Маленькая Тора посмотрела на своего чижики в клетке. Чижики Чивик наклонил голову набок, одним глазом посмотрел на Тору и чиркнул:

— Цвич!..

Тора покачала головой и сказала:

— Да, ты безработный, Чивик, и это я тебе мешаю работать.

— Цвич! — пискнул чижики.

— Нечего пискать „цвич“! Безработный и есть, — заметил приятель Тору, Вадя. — На воле птица за день столько вредных насекомых — мух, комаров, жучков, гусениц — истребит, целые сотни. А в клетке Чивик сидит безработный.

— Я его выпущу в день птиц, — сказала Тора. — Поедем в парк, там и выпущу.

— А теперь пусти его полетать по комнате, — предложил Вадя. — Пускай он порасправит

крылья и приучится летать.

Тора отворила дверцу клетки. Чивик подумал, подумал и сел на дверцу, потом вспорхнул и уселся на цветок на окне. Он повертывал голову направо и налево.

— Ах! — вскрикнула Тора, — Чивик!..

— Что случилось?.. — вздрогнул Вадя.

Чивик сидел уже на открытой форточке и вдыхал свежий весенний воздух.

Тора шагнула к окну. Чивик оглянулся на Тору.

— Цвич!.. — чирикнул он на прощанье — и только его и видели!..

Тора отчаянно всплеснула руками. Несносный Чивик испортил ей весь птичий праздник.

— Вот какой нетерпеливый!.. Не мог подождать одной недели.

— Чего же ты хнычешь? — заметил Вадя, — сама же хотела его выпустить.

— Да ведь в парке, на празднике, — сказала Тора. — А здесь, в городе, он пропадет.

— Не пропадет!.. На бульварах будет жить. А потом ребята развешат скворечни и дуплянки по деревьям, и Чивик устроится прекрасно. Хорошо, что одним безработным стало меньше!

— Да, вот у меня птички нет, а у Захара Ивановича и бабушки Тоси есть... Обидно!..

2.

Вадя ушел, а Тора задумалась. Потом хитро засмеялась и вышла в коридор. В комнате напротив жил старик-машинист Захар Иванович.

Тора постучалась в дверь: тук-тук-тук...

— Войдите!

Захар Иванович стоял у клетки, где сидели два щегла, и переменил им воду.

— В чем дело, Торочка?

— Ах, Захар Иванович, у меня беда, — улетел чижик!..

— Ай-ай-ай! Как же это так случилось?

— Да я выпустила его из клетки, а он шмыгнул в форточку!..

— Вот хитрый!

Захар Иванович внимательно посмотрел на Тору и спросил:

— А очень жаль тебе птичку?

— О-очень, — протянула хитрая Тора, скривив губы.

— Знаешь, что, — сказал старик, — мне порядком надоели мои щеглята, — и сор от них на полу, и трещат целый день. Хочешь, я подарю тебе их?..

Тора даже всплеснула руками.

— Ах, дедушка!

— Ладно, ладно, бери. Только ходи за ними хорошенько!

3.

С торжеством вернулась Тора в свою комнату. Вместо одного Чивика у нее теперь были два щегленка!

Сейчас же был приглашен сосед Вадя, перед которым можно было похвастать подарком. Но Вадя неожиданно сказал:

— Очень хорошо! Ну, выпускай же их!

Тора вытаращила глаза.

— Как, сейчас?

— Ну, конечно! Делать — так делать. Ведь они тоже безработные!.. А работы много!..

— А как же, у меня птиц не будет, — а у бабушки Тоси птица останется?

— Она — старуха, с причудами. Что же, и ты такой хочешь быть? Ну, выпускай же...

Торе было очень тяжело, — но делать, оказывалось, нечего.

Распахнули окно, поставили клетку на подоконник, и Вадя решительно открыл дверцу, да еще постучал рукой по клетке.

Перепуганные щеглята ринулись через дверцу, — и ребята видели, как они стали нырять над крышами домов и деревьями

соседнего парка и скоро исчезли из глаз.

В комнате стало тихо-тихо. Но Тора пересилила себя и сказала решительно:

— Пойдем теперь к бабушке Тосе: пускай и она выпустит свою птицу.

— Пойдем.

4.

Ту-тук-тук!..

— Войдите!..

Бабушка Тося, в кацавейке, с косынкой на седых волосах, варила на керосинке кашу.

— Здравствуйте, ребята!.. — сказала она. — Вам что?..

— У меня, бабушка, улетел чирик, — сказала Тора.

— Ну, что ж за беда? Ему на воле лучше будет, — сказала бабушка Тося.

— И щеглята Захара Ивановича тоже улетели.

— Ну, и отлично. Очень рада!

— Вот какая вы нехорошая, бабушка Тося. Чужой беде радуетесь...

Бабушка только улыбнулась.

— Какая же тут беда? Птицам радость только — на воле жить.

— А, так? — злорадно сказала Тора. — Ну, так выпустите и вашу канарейку!.. Ей тоже радость будет...

Бабушка Тося, кажется, была приперта к стене, но она все-таки вывернулась.

— Да ведь канарейка — птица не здешняя, на воле жить у нас не может. Она от холода погибнет, и вороны ее заклюют...

Удивительно хитрая старушка, — точно подготовилась к ответу!..

— Ничего, не пропадет, — нерешительно сказала Тора.

— Нет, пропадет... А потом, она у меня старенькая, — в роде меня, — ей много лет, и лысина у нее на голове от старости... Ей только на чужих хлебах жить...

Час от часу не легче! Лысая!.. Канарейка лысая?.. От старости?.. Ну, конечно о лысой канарейке и толковать нечего. Приходилось уходить ни с чем.

А может быть, бабушка только хитрит, чтобы крепче держаться за свою лысую канарейку?..

5.

Вечером, когда Захар Иванович вернулся домой, Тора явилась к нему и сказала:

— А я выпустила и ваших безработных щеглят, Захар Иванович.

Она думала, что он рассердится, заворчит на нее. Но старик-машинист улыбнулся и махнул рукой:

— Ну, что ж, — этак и лучше...

— А бабушка Тося за свою канарейку обеими руками дер-

жится, — горячо сказала Тора, — хотя она и лысая...

— Кто лысая?

— Да канарейка. Не хочет ее выпускать.

— И верно. Куда же канарейке деваться? Все равно погибнет, хоть лысая, хоть нет... А вот что щеглят и чижики ты выпустила, — это хорошо!.. И никогда я больше птиц держать не буду, — а то привыкнешь к ним, на старости лет, — и выпустить жаль, и в неволе держать совестно.

— Да, — важно сказала Тора, — я тоже не буду держать больше птиц. А то, знаете, старая привычка — хуже всего.

А. Федоров-Давыдов.